

18+

В. Лапушинский

Хроники Древнего Культа

Владимир Лапушинский

Хроники Древнего Культа

«Издательские решения»

Лапушинский В.

Хроники Древнего Культа / В. Лапушинский — «Издательские решения»,

Продолжение эпического фэнтези о Гармонии и Хаосе, о памяти древних народов и о пути, который ведёт героев к разгадке старинного пророчества. В этой книге прошлое, вера и судьба переплетаются в единый узор, от которого зависит будущее

Содержание

Беспокойная ночь	8
В саду	12
Хальврик	16
Странная встреча	20
Знакомство	25
Тайна Амулета	30
Истина где-то рядом	34
Интересный разговор	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Хроники Древнего Культа

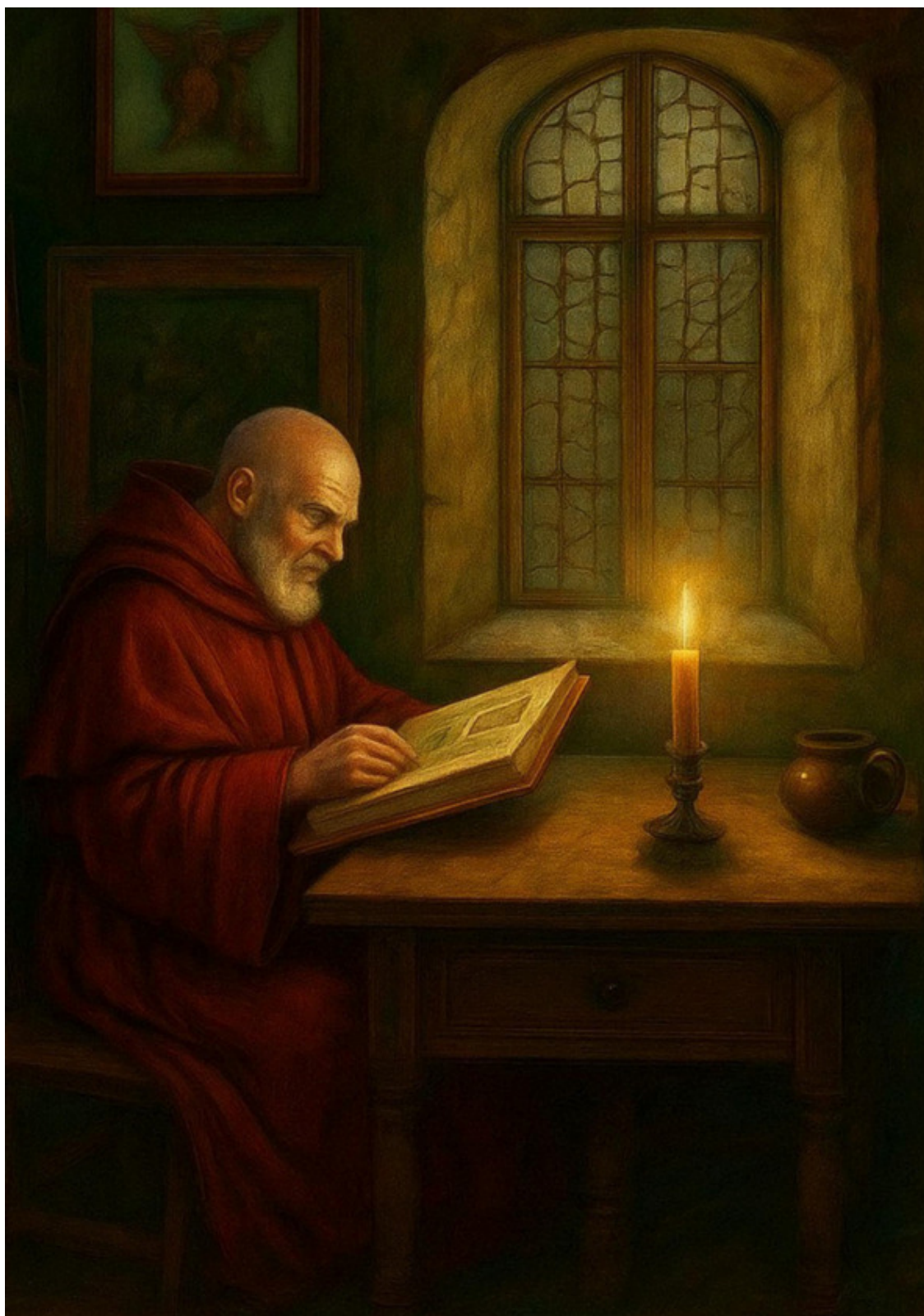
Владимир Лапушинский

© Владимир Лапушинский, 2026

ISBN 978-5-0071-1988-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Беспокойная ночь

В ту темную ночь, когда только редкие лучи луны проскальзывали сквозь небольшие окна монастыря, старый монах сидел в своем углу, поглощенный страницами древней книги. Его фигура, словно затмение, вписывалась в тень, в которой царил мерцающий свет свечи. Лицо было покрыто морщинами, каждое из которых словно хранило в себе долгие годы одиночества и раздумий. Глаза, тусклые и затуманенные. Он, казалось, скользил по страницам, не затрагивая их сущности.

Весь его облик олицетворял с собой угрюмую тишину — красный потускневший балахон, который обвивал его фигуру, теперь утратил свой былой блеск. Его ткань, как и сам монах, иссушенная временем, была выцветшей и потертой, но все же сохранила достоинство. От безмолвия и усталости его плечи слегка сутулились, и даже если бы кто-то зашел в эту комнату, то первым, что бы они заметили, была бы его невидимая связь с этим монастырем — казалось, что он всегда был здесь и, возможно, никогда не покидал эти стены.

Его руки, покрытые тонкими венами и с дрожью старости, медленно переворачивали страницы, как если бы каждое слово было для него не просто текстом, а тем, что может оставить след в его душе. В его взгляде было нечто томное, усталое — как у человека, который много лет искал смысл в этих страницах, но каждый раз оставался с ощущением, что истина всегда ускользала.

Вскоре после кропотливого чтения, монах медленно закрыл тяжёлую книгу. Потер уставшие глаза и лоб, будто стирая напряжение. Затем посидел некоторое время неподвижно, устремив взгляд в мутное стекло окна.

Наконец он встал и подошёл к висящему на стене календарю — старому, с загнутыми уголками. Присмотрелся к датам. Губы еле заметно шевелились — он считал. Прошло несколько мгновений, прежде чем он прошептал почти неслышно, словно боялся нарушить хрупкое равновесие тишины:

— Осталось два года...

Он замер, вглядываясь в маленькие квадратики дат, как будто пытаюсь заглянуть за их границы, в то, что ещё не наступило. Потом медленно повернулся и направился к столу. Медленно сел. Осторожно положил ладони на книгу. Её обложка, выцветшая и потрескавшаяся от времени, хранила следы многих лет — и, возможно, многих тайн. Он долго сидел, не двигаясь, погружённый в мысли, в которых прошлое и будущее сливались в одно.

Тихий стук в дверь оторвал монаха от его размышлений. Он не сразу ответил — время затянулось, как будто старик внутри самого себя взвешивал, стоит ли прерывать этот момент покоя. Взгляд его устремился на дверь, а затем, с лёгким вздохом, он громко произнёс:

— Войдите.

Дверь приоткрылась, и в проём вошёл молодой монах, лет двадцати пяти, с небрежно закатанными рукавами и ясным, но тревожным взглядом. Его лицо было молодым, но выражение серьёзным, как у того, кто рано узнал цену жизни. Чёрные волосы, слегка поседевшие на висках, отчётливо контрастировали с его юным возрастом, а линия подбородка выдавала силу воли и настойчивость. Он был одет в простую монашескую рясу, но его походка, уверенная и прямая, говорила о некой внутренней решимости, а в глазах — озабоченность.

Он застыл в дверях, и молча взглянул на старого монаха. В его взгляде был укор.

— А, это ты, Юстальд, — тихо произнёс старик, слегка откидываясь назад в своём кресле. Его голос был хрипловат, но в нём не было ни гнева, ни упрёка, только усталое признание. — Что-то случилось?

Юстальд молчал, не спешил отвечать. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах мелькнуло нечто тревожное. Затем, с лёгким наклоном головы, он произнёс:

— Верховный Жрец, я понимаю, что не мне тебе указывать, но... — он слегка замедлил слова, как если бы взвешивал каждую букву, — давно за полночь. А у тебя сердце уже не молодое. Надо бы себя поберечь.

Старик тихо усмехнулся, на губах его заиграла слабая, почти беззвучная улыбка. Он пытался вернуть себе хотя бы видимость силы, которую утратил с годами.

— Да, да, — сказал он, пытаясь сделать свой голос грубым и уверенным. — Уже иду.

Он встал, с трудом, как человек, чьи суставы знали каждую боль, но не жаловались на неё. Взгляд его был сосредоточен на чём-то далёком, на том, что находилось за стенами этой комнаты.

Когда он проходил мимо Юстальда, его рука случайно, словно невольно, коснулась руки молодого монаха. Юстальд застыл, его пальцы слегка дрогнули, но он не отстранил руку. Его ладонь накрыла старую руку Верховного Жреца, как бы поддерживая её в этом усталом, почти безнадёжном жесте.

— Я провожу, — сказал молодой монах тихо, с уважением, но и с заботой, которая была больше, чем просто долг служения.

Взгляд старого монаха встретился с его, и в этом взгляде, полном нежности и признания, скользнула скрытая благодарность, едва уловимая, но безусловная.

Свечи слабо горели вдоль стены, едва освещая пыльные каменные плиты пола, потерявшие всякую искорку былого блеска. Здесь, в этом заброшенном крыле, воздух был насыщен запахом старости. Тени, вытянутые до самого потолка, словно живые существа, бесшумно скользили по холодным стенам. Коридор был тесным и низким.

Когда Верховный Жрец наконец подошёл к своей спальне, Юстальд остался у двери, следя за тем, как тот медленно входит в комнату. Звук открывающейся двери, скрип её петель, казались последними аккордами целой симфонии ветхости, а потом дверь закрылась за ним, как крышка гроба.

Юстальд немного постоял, прислушиваясь.

Когда шум за дверью стих, Юстальд быстро пошёл назад по коридору.

Он вернулся в ту самую комнату, где ещё недавно мерцал свет свечи, освещая старое лицо Верховного Жреца. Тьма уже окончательно обволокла стены, оставляя лишь тонкую нить полумрака, стекавшую с оконного проёма. Комната дышала затихшей жизнью. Всё в ней напоминало о недавнем присутствии старца: книга на столе, плотно закрытая, но с аккуратно вложенной закладкой, кресло с чуть примятой подушкой, и лёгкий, почти неуловимый запах воска и травяного чая.

Юстальд подошёл медленно, с осторожностью, как будто боялся потревожить тишину, ставшую почти священной. Он протянул руку и открыл книгу на той самой странице, где остановился старик. Пальцы пробежали по строчкам. На мгновение Юстальд застыл, вчитавшись. В его глазах промелькнула та же тень, что и в глазах старца.

Он прикрыл книгу. Подошёл к календарю. Скользнул взглядом по датам, будто ища ответ, которого не мог найти на страницах. Затем, едва заметно, вздохнул. Не устало, а скорее с принятием, как человек, принимающий чью-то ношу как свою.

Затем вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Коридор вновь поглотил его шаги. Он шёл к себе, уже не глядя по сторонам. Он шёл, как идут те, кто знает: ночь не даёт ответов, но она даёт время, чтобы эти ответы начать искать.

Когда дверь в его келью закрылась, монастырь окончательно погрузился в покой.

За его стенами начался мелкий, почти невидимый дождь. Он стучал о каменные карнизы, о черепицу, о подоконники, как пальцы чьей-то незримой руки. Этот звук был и тревожным, и убаюкивающим — будто сама ночь решила укрыть всё живое тихим покрывалом сна.

Несмотря на усталость, Верховный Жрец долго не мог уснуть и ворочался в постели, как будто хотел сбросить тяжесть навалившихся мыслей. Он не мог найти покоя.

Дождь, который раньше убаюкивал его, теперь лишь беспокойно стучал по крыше, но не мог усыпить. Когда-то, едва услышав этот монотонный шум, монах мгновенно погружался в сон. Но не сегодня. Сегодня его мысли не отпускали, а тени в комнате казались странно живыми.

Вдруг старик насторожился. Он замер, словно что-то в воздухе изменилось. Его слух уловил что-то... странное. Шум ветра? Нет, это было не совсем похоже на ветер. Этот звук был... иным. Он казался слишком осозанным, слишком пронзительным, чтобы быть просто шумом природы.

Жрец приподнялся на локтях, прислушиваясь, вглядываясь в темные углы комнаты.

Тишина... и вот снова! Протяжный, дрожащий в ночи звук, что-то напоминающее...

Вой.

Может, где-то во дворе заблудилась бродяжная собака? Но нет, в этом звуке было нечто иное, дикое, первобытное. Старик встал с постели, босые ноги коснулись холодного каменного пола. Подойдя к узкому окну, он прижался лбом к прохладному стеклу, всматриваясь в туманную пелену ночи.

Вой раздался снова, сейчас уже отчетливее, глубже. Он заполнял собой всё пространство, казалось, что стены монастыря дрогнули от этой неземной мелодии. Жрец почувствовал, как по спине пробежал холодок.

И тут его озарило. Он не мог поверить своим ушам: это был вой волка.

Волка? Здесь, в этих краях, где волки не появлялись уже многие десятилетия? Это казалось невозможным. Но вой продолжался, становясь всё более настойчивым, словно призывая или предупреждая о чём-то. Жрец почувствовал, как сердце забилося сильнее, а мысли смешались в хаотичном водовороте.

Старик отступил от окна, пытаясь собраться с мыслями. Что означает этот вой в ночи? Предупреждение? Знак?

Жрец хотел позвать на помощь, но передумал. В монастыре, кроме него, было ещё восемь монахов, из которых шестеро — молодые и сильные. Однако он не мог представить, чем они могли бы помочь. Они могли лишь посидеть рядом, чтобы ему было не так страшно, пока он пытался уснуть. Но и это казалось ему малополезным.

Кроме всего прочего, было и стыдно. Что скажут потом? Верховный Жрец испугался? Ведь всем вокруг станет ясно, что он не тот, кем они его видят. Трус и только.

Его мысли метались, но он оставался недвижимым, стараясь осознать свои переживания. Страх, растущий внутри него, казался безграничным. Он знал: если позовет монахов, это будет признанием его слабости. Верховный Жрец должен быть примером для остальных, источником силы и уверенности. Иначе он утратит их доверие.

Жрец глубоко вздохнул, прошелся по комнате, стараясь найти какое-то утешение. Он вспомнил о давних временах, когда был еще молод и неопытен. Тогда и страхи были проще, и пути к их преодолению доступнее. Но старость приносит свои испытания, в которых не каждое решение очевидно, не каждое действие разумно.

Он сел обратно на кровать, ощущая смутное беспокойство, предательски проникающее в его сердце. Казалось, что ночь вокруг сгущается, усиливая его страхи, высмеивая его усилия. Но он не сдастся.

Его разум вернулся к учениям, к тем драгоценным страницам, что он изучал в молодости. Преодоление себя, понимание своей сущности — вот ключи, что могут дать силу.

Шло время. Монах прислушивался к звукам за окном. Воя волка больше не было слышно. Постепенно старик начал успокаиваться. Однако сон всё равно не приходил. Слишком велико было потрясение.

Он снова лёг и решил сосредоточиться на более важном, отвлечься от тревожных мыслей. На древнем пророчестве, которым он жил последние месяцы. Пророчества, говорящего о том, что скоро на земле родится воин из чистокровных, от которого будет зависеть судьба их мира. Всего Приболотья.

Образы из книг, которые он читал, возникали перед его внутренним взором. Этот воин, предсказанный давно, должен был стать ключом к выживанию их народа.

Старик вспоминал страницы, на которых были описаны знаки появления этого воина, его миссии и трудного пути, который ему предстоит пройти. Он старался проникнуться этими мыслями, найти в них утешение и значимость. Ведь именно ради этого он и жил, к этому готовился долгие годы — поддерживать порядок и передавать знания своим ученикам.

Он чувствовал, что грядут великие события, и ему было важно не упустить момент, когда этот избранный появится. Его долг — быть готовым, направить, наставить и, возможно, сразиться бок о бок с тем, кому будет предназначено изменить мир.

С этими мыслями монах почувствовал, как его сердце постепенно успокаивается. Он переключил своё внимание с тревог и сомнений на более значимое — на будущее, в которое он верил, которое старался построить вместе с другими.

Монах ещё раз глубоко вздохнул, позволив себе утонуть в этих мыслях, находя в них силу и утешение. Старик почувствовал, как его сознание, наконец, начинает погружаться в долгожданный сон.

В саду

Наступило утро.

И будто ничего и не было. Ни этого странного воя в ночи, ни страха, расплзшегося по коже холодными волнами. Солнечные лучи проникали сквозь небольшое оконце, ложась тонкими полосами на каменный пол кельи. Они скользили по шероховатым стенам, оживляя тусклые очертания мебели и вытягивая из полумрака пыльные частицы, кружащие в воздухе. Где-то далеко звенела птичья трель — глухо, как будто её принесло ветром с другого мира.

Жрец открыл глаза. Он не сразу двинулся — словно всё ещё проверяя, проснулся ли окончательно или остался там, где тьма сжимала сердце. Но день был ясен, прост и спокоен. Молчаливый, как сам монастырь.

Он медленно сел на край кровати. Несколько мгновений сидел, глядя в окно — не на что-то конкретное, а просто... в сторону света.

Затем поднялся. Подошёл к умывальнику. Всё здесь, в его личных покоях, было по-особенному: скромно, но обособленно. В отличие от прочих монахов, которые умывались в общей комнате, ели в общей трапезной и спали в кельях, отличающихся лишь порядком и размерами, Верховный Жрец имел право на личное пространство. Эта привилегия не приносила радости — скорее напоминала о бремени, а не о статусе.

Умывальник стоял у стены, вырезанный из цельного камня. Рядом — маленький медный кувшин с водой, прохладной и чистой. Старик плеснул немного в ладони и поднёс к лицу. Вода освежила, но не разбудила полностью. Всё в нём ещё сопротивлялось новому дню, будто душа запоздала возвращалась из ночи.

Рядом с дверью висел небольшой колокольчик. Такой же висел и у изголовья кровати — на случай, если ночью ему понадобится помощь. Жрец дотронулся до колокольчика — звон был негромким, но отчётливым, будто струна в каменном пространстве.

Через несколько мгновений дверь мягко открылась.

— Доброе утро, Жрец, — произнёс Юстальд, входя.

Он стоял на пороге, сдержанный, как всегда.

— Завтрак готов. Прикажешь принести?

Старик кивнул.

Юстальд, уловив молчаливое согласие, чуть склонил голову и вышел.

Вскоре Юстальд вновь появился в дверях, неся на деревянном подносе скромный завтрак: миска горячей каши с кусочками сухофруктов, ломоть вчерашнего хлеба, кружка травяного настоя — тёплого, пахнущего зверобоем и мятой.

Он поставил поднос на низкий столик у окна, не нарушая тишины. Затем, прежде чем удалиться, осторожно произнёс:

— Здесь всё. Если понадобится ещё что-нибудь — я рядом.

Жрец кивнул, не оборачиваясь. Лишь когда дверь мягко закрылась, он подошёл к столу.

Сел, не спеша. Взглянул на еду, но не притронулся сразу. Руки лежали на коленях, взгляд снова скользнул в окно, за которым день разгорался всё ярче. Солнечные лучи теперь смело пробивались сквозь стекло, освещая старые камни.

Всё казалось обычным. Но обычность эта ощущалась натянутой — словно мир решил ненадолго замереть в ожидании чего-то.

Жрец взял кружку с настоем, поднёс ко рту. Напиток был терпким и бодрящим. Он сделал глоток, а потом позволил себе впервые за утро закрыть глаза и просто посидеть в этом покое.

Завтрак прошёл неспешно.

И лишь закончив трапезу, жрец наконец ощутил, что его день действительно начался.

Он отставил пустую кружку, вытер руки полотенцем, и направился к шкафу, в котором висели его одежды.

День начинался. А с ним — и всё то, что монах должен был нести на себе.

Жрец подошёл к двери, ведущей в комнату, где ночью он читал старинную книгу. Это было место, которое монахи называли архивом. Старинные, потрёпанные фолианты, древние свитки, записки, полные туманных пророчеств и забытых историй — всё то, что он тщательно изучал в последние недели. Именно там, среди пыльных страниц, он находил ответы на многие вопросы, которые терзали его душу.

Но в этот момент, когда его рука коснулась ручки двери, в коридоре раздался голос Юстальда.

— Жрец, — сказал молодой монах, — может, сегодня немного прогуляемся? Сходи в сад, подыши воздухом? Книги всегда успеют, а вот время...

Жрец на мгновение замер.

— Время действительно не ждёт, Юстальд, — ответил он, сдержанно, как всегда. — Мне нужно понять, как действовать. Пророчество скоро сбудется, и я должен быть готов. Не могу терять ни дня.

Юстальд немного помолчал, взгляд его был понимающим, но в нём скользнуло лёгкое сомнение. Он прекрасно знал старика — не раз видел, как тот поглощает книги, как теряется в мыслях, как сам монастырь становится для него местом не отдыха, а страха перед тем, что он не успеет. Взгляд Юстальда, однако, был полон уважения и терпения, и он лишь кивнул.

Но в его взгляде всё-таки была лёгкая настороженность. Он знал, что старик перегружает себя, что постоянно живёт в этом тревожном состоянии, и понимает, что ему не хватает простого отдыха.

— Ты прав, конечно, Жрец. — Юстальд не стал спорить. Он знал, как важно для монаха соблюдать свой ритм и следовать внутренним убеждениям. — Но, может быть, хотя бы немного свежего воздуха? Даже короткая прогулка может помочь справиться с мыслями. Пророчество, конечно, важно. Но не менее важен и сам момент. Ты не сможешь подумать, если не дашь себе передышку.

Старик посмотрел на него. Он снова начал открывать дверь в архив, но на мгновение его взгляд задержался на лице Юстальда. Что-то в этом взгляде, в твердости молодого монаха, заставило его усомниться. Он действительно слишком много времени проводил за книгами, слишком часто оставался один в этом тихом мире, где только он решал, что важно.

— Ладно, ты прав, — сказал он, тяжело вздохнув. — Прогулка не помешает.

Юстальд немного улыбнулся, не скрывая своей благодарности, сделав шаг назад, чуть наклонив голову, как бы приглашая старца следовать за ним.

И они пошли по узким, с высоким потолком, коридорам поросшими пятнами плесени. Каменные стены были холодными и шероховатыми на ощупь. В этих коридорах всегда было тихо.

Когда они вышли на двор, свет снаружи был уже ярким и ясным. Сад монастыря был уединённым, отделённым от внешнего мира высокими каменными стенами, которые всё так же тянулись к небесам. Вокруг был зелёный оазис: деревья, кусты, цветы, смиренно растущие в строгих формах, создавали атмосферу спокойствия и порядка. Здесь не было места буйству. Всё было аккуратно подстрижено, выстроено по определённому ритму.

Юстальд остановился, позволив старцу сделать несколько шагов вперёд. На мгновение он наблюдал за тем, как Жрец, наконец, вдыхает воздух, как его грудь наполняется свежестью,

а глаза, которые так долго были устремлены в книги, теперь начали отражать живую природу вокруг.

Жрец остановился и посмотрел на старые деревья, на их ветви, которые устремлялись в небо. Он закрыл глаза, и, несмотря на всю тяжесть, которая тяготила его душу, на какое-то мгновение он почувствовал в себе покой.

— Здесь... — сказал он тихо, словно обращаясь не столько к Юстальду, сколько к самому себе. — Здесь всё так, как должно быть.

Юстальд встал рядом и тоже замолчал, не желая прерывать этот момент. Он знал, что Жрецу сейчас нужно это — просто быть здесь, в этом месте, где время идёт не по плану, а в ритме природы.

Сад был обрамлён высокой изгородью, и солнце, просачиваясь сквозь листья деревьев, рисовало на земле причудливые тени. В воздухе витал аромат свежескошенной травы и цветов, а легкий весенний ветерок чуть колыхал ветви, создавая шум, словно древний шёпот.

Здесь, на мгновение, всё забывалось. Пророчества, задачи, вопросы — всё это оставалось за пределами этого уголка.

Но Жрец не мог просто так оставаться в этом покое — в его душе зрела нужда в другом, более глубоком очищении.

Его глаза, прищуренные от внутреннего сосредоточения, смотрели куда-то вдаль, туда, где, казалось, скрыта сама суть жизни.

Юстальд не произнес ни слова.

Жрец встал на одно колено.

Ветви деревьев, покачиваясь от лёгкого ветра, словно вступали в ритм с его дыханием. Тени, отброшенные на землю, казались не только теньями, но и напоминаниями о силе внутренней гармонии, которая могла бы исцелить мир.

— Ты, что держишь в себе всё, — начал Жрец, его голос был тихим, но полным силы, — Ты, что в каждом дыхании, в каждом свете и в каждом листе. Я обращаюсь к Тебе. Прошу о помощи, о поддержке в этом времени. Прошу о том, чтобы силы Твои не оставляли меня, чтобы я мог быть стойким в своей правде и своем пути.

Юстальд шагнул чуть ближе, его внимание было привязано к каждому слову старика. Он не мог не ощущать, как мир вокруг их двоих замедляется. В том, что говорил Жрец, была не только молитва, но и призыв к жизни, к истинной, незримой силе, которая жила в каждом мгновении.

Жрец поднялся, лицо его было спокойным, но в глазах читалась лёгкая усталость — не от физической работы, но от глубины переживаний. Он почувствовал, как в его сердце начинает утихать буря.

— Я готов. — наконец, сказал он, открывая глаза. — Мы можем идти.

— Пойдём, Жрец, — сказал Юстальд.

Жрец направился за ним.

Остановившись у небольшого каменного фонтана, где вода журчала среди мхов и лишайников, он тихо спросил:

— Юстальд, а где Хальврик? Он не с нами.

Юстальд, немного задумавшись, ответил, глядя на старика:

— Он с утра ушёл в лес. Хотел собрать трав для чая. Я ему говорил, что можно подождать, но он настоял, что нужно приготовить отвар из свежих растений.

Жрец слегка наклонил голову, как бы обдумывая услышанное. Он знал Хальврика как юношу, любящего природу и часто уходящего в лес за целебными травами, но теперь в его взгляде мелькнула тень беспокойства.

— Травы? — повторил он, но не стал продолжать, давая Юстальду шанс объяснить, что именно собирался найти Хальврик.

Юстальд кивнул, стараясь объяснить, как можно точнее.

— Может, он просто захотел побыть в одиночестве, подышать лесным воздухом.

Жрец слушал молча, но в его глазах была какая-то неуловимая тревога, не укрытая даже от Юстальда. Он знал, что лес может быть и другом, и врагом, и не всегда предсказуемым. Хальврик был ещё молод, и порой у него возникала чрезмерная уверенность в своей силе и знаниях.

— Он всегда стремится понять природу, да, — произнёс Жрец, кивая с лёгким одобрением. — Он правильный молодой человек, Юстальд. Мудрое сердце, чувствующий связь с миром. Но... — он чуть помедлил, и взгляд его потускнел от переживаний. — Ты прав, что он не взял с собой кого-то. Это слишком рискованно.

Юстальд посмотрел на старика, понимая его опасения.

— Но он всё же опытен в этих местах. Он знает, какие травы искать, а какие лучше оставить. Я думаю, он будет в порядке.

Жрец тяжело вздохнул, глядя в сторону леса.

— Да, опыт — это хорошо. Но лес всегда меняется. В любой момент могут появиться дикие звери, или погода переменится. Я лишь переживаю, что он в одиночку. В таких ситуациях важно иметь кого-то рядом. — его голос звучал сдержанно, но в нём было заметно какое-то внутреннее напряжение. Это не был страх, но мудрая забота о том, что даже самые сильные могут быть уязвимы.

Юстальд согласился с этим, но, всё же молодость имела свои особенности, и они с Жрецом могли только надеяться, что их доверие оправдается.

— Он вернётся скоро, Жрец. — сказал Юстальд, пытаясь немного успокоить старика. — Может, уже до вечера, когда солнце уйдёт за горизонт.

Жрец кивнул.

Он бросил ещё один взгляд на лес.

— Юстальд... — тихо произнёс он, его голос теперь был полон решимости. — Мне нужно вернуться в архив. Пророчества не ждут. Я должен снова изучить их. Время слишком коротко, и ответы слишком важны.

Юстальд, несмотря на всю свою обеспокоенность, кивнул. Он прекрасно понимал, как сильно Жрец был поглощён поисками истины. Он также знал, что ничто не могло отвлечь его от этого пути. Иногда даже сама природа не могла быть для него достаточным укрытием от этого внутреннего долга.

— Конечно, Жрец. Я не буду мешать тебе, — сказал Юстальд, почтительно склоняя голову, как это принято в их монашеской традиции.

Жрец не сказал больше ни слова, а Юстальд, понимая, что время для одиночества старца пришло, удалился.

Он вернулся в свою келью, осознавая, как тяжело бывает жить с этим внутренним долгом, который подталкивает, не давая остановиться. Но как только дверь его кельи закрылась, Юстальд почувствовал, как тишина вновь обвила его. Это было похоже на спокойствие перед бурей — в нём было нечто хрупкое, что предвещало важный момент в их жизни.

Тем временем Жрец, уже внутри архива, вновь присел за стол, окружённый старыми фолиантами. Он взял в руки один из древних свитков, и, когда его глаза встретились с пророчествами, взгляд его стал острым и сосредоточенным. Этот момент был важен, и он чувствовал это всем существом. Время не позволяло отступать.

Хальврик

Хальврик ступал по узким лесным тропкам, не спеша.

Лес не был пуст — он гудел невидимой работой: где-то щёлкала синица, дятел мерно выстукивал в опоре, вдалеке рябинник перекликался с вороном. Но всё это, казалось, лишь помогало Хальврику сосредоточиться.

Пальцы юноши легко скользили по стеблям трав.

Вот бодрящая мята: в каплях росы её лист был глянцевым, чуть серебристым, ствол — крепким, как у взрослого растения, хотя ещё не раскрылся до конца. Он бережно отщипнул пару верхних листков — только самых молодых, чтобы не ослабить куст. Поблагодарил мысленно.

Дальше среди пушистых пучков прошлогодней травы пряталась ещё не раскрытая медунница. Сквозь молодые зелёные стрелки лезли фиолетовые грозди. Хальврик ловко отделил несколько стебельков, стараясь не вырвать корень, и вдохнул терпкий, чуть горьковатый запах.

На прогалине, где солнце прогревало сырой мох, он наклонился к низкому кусту и заметил под травяной подстилкой первые ростки буквицы — их сложно было не узнать: узорчатые листочки, словно кто-то нарисовал на них тонкую паутинку жилок. Он собрал три тонких стебля — не больше, чтобы не навредить, и аккуратно завернул их в свежий лопух.

Дальше были крапива — молодая, еще мягкая, только тянулась к солнцу. Хальврик достал из-за пояса мешочек, надел лёгкие льняные перчатки и быстро собрал головки с самыми маленькими листьями. Крапива жалит тех, кто спешит — но юноша умел быть терпеливым.

Порой путь заводил к черёмуховому оврагу: здесь лес еще хранил вечернюю прохладу, а трава была густая, сочная. Он искал среди неё кипрей — ланцетовые листочки, вытянутые, глубокого зелёного цвета, с прозрачным лоском. Нашёл — и опять только верхушку, пару почек. Рядом на старом пне росла тимьянка; её аромат был сухим, пряным. Это была последняя в его сегодняшнем сборе.

Собрав всё необходимое, Хальврик остановился, поднял лицо к просвету между вершинами. На ладони у него лежало богатство — букеты свежести, горечь и сладость будущего настоя, воплощение весенней силы. Он внимательно осмотрел собранное, вдохнул всей грудью — трава была живая, дикая, сильная.

Юноша не спешил возвращаться. Он опустился к корню берёзы и некоторое время сидел в тени, наблюдая, как муравьи тянут сухие былинки, как ветер перебирает молодые побеги. Это был его способ слушать мир — растворяться в ощущении, что есть ритм у каждой вещи, и в этом ритме — мудрость.

Вдруг, когда Хальврик уже собирался идти обратно по петляющей тропе, что терялась среди густых зарослей, его внимание привлек лёгкий шорох в низкой прошлогодней траве. Он замер.

Напротив, в просвете между двумя ёлками, сидел заяц. Он был темноватый, с лёгкой сизой примесью прежнего зимнего меха и тянулся мордочкой к свежему росту молодой травы. Длинные уши недвижимо торчали, глаза широко и ясно смотрели.

Хальврик затаил дыхание, боясь спугнуть зверька одним неверным движением. Свет пробивался сквозь склонённые ветки и ложился на заячий носик. Юноша улыбнулся.

Он чуть присел на корточки. Его рука с мешочком трав осталась неподвижна, а взгляд ласково скользил по весенней шубке зайца — тому дивному сочетанию осторожности и уязвимости, что бывает только у диких лесных созданий.

Казалось, что этот короткий миг связан с чем-то большим — с той простой правдой, что в лесу всё живое видит друг друга, и порой эта встреча становится молчаливым согласием: «ты

и я — часть одной истории». Заяц потянул носом и, наконец, не спеша, ушёл под тенью кустов, оставив после себя тонкую дорожку тронутой травы.

Хальврик, будто на что-то согласившись с этим молчаливым соседством, легко выдохнул и поднялся. Он чувствовал сердцем тихое обновление: как будто и в нём самом проснулась не тревога, а лёгкость, свойственная только утру и только лесу.

Он шёл, где хотелось, как в детстве, иногда останавливаясь просто так — чтобы осмотреть крупный камень, тронуть ладонью мшистую кору, проследить взглядом, как тонкая тень от сосновой иглы скользит по собственному носку сапога.

В какой-то миг Хальврик устроился на упавшем дереве, погружённом в тёплый поток солнечного света. Он даже не вспоминал о монастыре: просто позволял себе быть здесь, позволяя лесу течь сквозь себя — вместе с тенями, мокрым запахом коры, свистом ветра в верхушках, случайным зазвеневшим ручейком, который и не ручей вовсе, а талая вода, пробегающая по прелым корням.

Мягкая шершавая тишина леса наполняла душу ровной ясностью. Не было нужды размышлять, говорить с собой, искать двойное дно в этих простых звуках и движениях. Всё было так, как должно — и этого казалось достаточно. Солнце поднялось выше, тени стали короче, воздух теплее, и Хальврик встал, ещё секунду слушая тот особенный гул, который у леса бывает только ранней весной.

Он пошёл дальше, не ускоряя шага, но и не замедляясь — просто идущий, просто в этом живом, наполненном жизнью мире.

Лес наполнился разноголосым звоном, но вдруг, будто по волшебному велению, всё стихло на мгновение, и сквозь тишину прорезался знакомый, почти таинственный крик: «куку — куку».

Он остановился и поднял голову. Где-то в глубине отряда старых осин, в самом солнечном просвете между ветвями, сидела кукушка. Её силуэт был ловко замаскирован пёстрым оперением, но уловимое движение хвоста, сдержанная горделивая осанка — всё выдавало в ней хозяйку здешнего леса. Птица затаилась, словно дразнила: то выглянет одним глазом, то снова спрячет голову за кору.

Кукушка кликнула снова, протяжно и размеренно, и эхом её голос побежал над лесом, словно открывая время — для весеннего роста, для новых дел, для тёплых дней. Старая примета мелькнула у Хальврика в мыслях: сколько раз услышишь — столько лет тебе счастливо жить. Он поймал себя на детской привычке прислушиваться к этим голосам, считать кукушкины «годы», а сейчас просто улыбнулся краешком рта и кивнул: «Живу!» — будто отвечая этому первому лесному шуму.

Скоро кукушка слетела с ветки и скрылась за перелеском, а на смену её голосу пришёл невесомый, глухой шум крыльев. На ветке раскидистого ясеня, всего в десяти шагах, устроился вяхирь — крупный сизый голубь с белым пятном на шее. Он сидел, едва шелохнувшись, с горделиво расправленным хвостом, его грудка переливалась перламутром. От птицы веяло какой-то благородной мощью, словно он был хранителем тишины, мирным стражем весеннего леса.

Вяхирь осмотрел Хальврика без тревоги — скорее с деловитым равнодушием хозяина, который знал: здесь он важнее всяких человеческих мыслей. Наступила пауза; лес, казалось, внимательно слушал этого уважаемого гостя. Потом голубь вдруг взмахнул крыльями, мощно и неторопливо, взмыл в небо и исчез среди верхушек, оставив после себя только легкую вибрацию воздуха и ощущение весенней полноты бытия.

Хальврик постоял ещё немного, провожая взглядом исчезающие тени.

Солнце скользило по лицу тёплыми лучами, шекотало шею, играло в волосах, и Хальврик вдруг коротко засмеялся, даже не замечая этого — смех был лёгким, как ветер, что треплет молодую листву. Ему вдруг захотелось бежать просто так, для самого себя; и он позволил себе

разогнаться по мягкой тропке, перескочить через низкий корень, раскинуть руки в стороны и почувствовать — как дрожит под пальцами весенний воздух, хрупкий и упругий одновременно.

Он не думал ни о времени, ни о делах, не вспоминал ни монастырских обязанностей, ни тревог — сейчас всё его существо резонировало с одним только настоящим: с тихим жужжанием случайной пчелы, с мягкой упругостью мха под пятками, с дрожащей нитью паутины, зацепившейся за палец.

Сердце билось быстро, но не от усталости, а от удовольствия. В эту минуту Хальврик чувствовал в себе пронзительную силу юности — ту, которую невозможно объяснить, невозможно удержать, но зато можно полностью, без остатка прожить всей кожей, всем телом, каждым вдохом.

Он закрыл глаза, позволяя лесу перемигиваться пятнами света под веками. И понял — вот она, простая безмятежность: когда сегодняшний день больше не требует ничего, кроме смеха, лёгких шагов, сияющего воздуха и бесконечного, нового ощущения своей жизни — полной, молодой и свободной.

Хальврик ступал по светлой прогалине, и сердце его вдруг переполнилось радостью, такой безмятежной и случайно полной, что хотелось смеяться и петь. Мир вокруг был прост и чист — не было ни забот, ни тяжёлых мыслей, только лес, солнце и лёгкое шелестящее дыхание весны. Он вдруг поймал себя на том, что идёт разгруженной походкой, ловя ритм земли, и ощущает удивительную лёгкость: каждый шаг будто приподнимает его над землёй.

Он остановился под высокой берёзой и вдохнул полной грудью, разогретый аромат юной коры, свежей зелени и пахнущей рассветом травы. В это мгновение его молодость ощущалась острее всего: в звонкости звуков, в силе рук, в желании просто жить, не думая о завтрашнем дне, не вспоминая о старых страхах.

Хальврик почувствовал, как к щекам приливает жар, как улыбка сама собой рождается где-то внутри, — и он улыбался, сам себе и всему лесу. Он повернулся вокруг себя на месте, поднял ветку и отбросил её играючи, наблюдая, как она описывает дугу в воздухе. Всё вокруг было ему по-настоящему близко, понятно, родственно. Сейчас ему казалось: вся эта вселенная существует ради подобных минут — светлых, юных, наполненных мощью и покоем.

В мгновение, когда солнце скользнуло между листвой и наполнило глаза золотыми бликами, он понял: именно в этот миг — вся полнота жизни, её избыточность и первобытная прелесть. И каждому звучанию внутри хотелось отвечать движением, светом и благодарностью быть — просто быть — в самом сердце леса, среди шелеста листвы и радостного, лёгкого биения собственной молодости.

Он как раз свернул в мшистую лощину, когда за случайным кустом орешника в тени мелькнуло рыжее пятно.

Хальврик остановился на месте, и стал внимательно приглядываться, едва дыша. Лес вокруг будто затаился вместе с ним — даже птицы в кронах стихли, чувствуя чьё-то присутствие. Из зарослей показалась лиса: тонкая, быстрая, вся в золотисто-рыжих отсветах солнечного света. Она ступала почти невесомо, осторожно, хотя в её гибких движениях не было страха, лишь природная грация.

Лиса не сразу заметила юношу. Она нюхала землю, осторожно приплясывала на длинных лапах, иногда резко вскидывала уши. Вдохнув запах ветра, животное обернулось — и встретилось взглядом с Хальвриком. Их глаза на миг соединились: янтарный, внимательный прищур лисьих глаз и тёплый, пронзённый весной взгляд монаха. В этот короткий миг не было опасности — только уважение, немое признание права друг друга быть здесь.

Лисица задержалась, оглянулась через плечо на свою невидимую тропу, а потом осторожно пошла дальше, пружинисто ступая между кустами, уводя за собой золотой хвост с белым кончиком.

Хальврик, не шелохнувшись, наблюдал, как она исчезает в траве. Её появление казалось ему знаком: даже здесь, в самом сердце природы, возможна встреча двух миров, если достаточно тихо, деликатно и с уважением относиться к чужой свободе.

Он выдохнул, чувствуя, как эта неожиданная встреча наполняет его сердце новым, затаённым трепетом и благодарностью — за доверие леса, за возможность стать свидетелем чьей-то быстрой, красивой и совсем не сказочной, а живой, настоящей жизни.

Странная встреча

Через некоторое время Хальврик осознал, что забрёл в самое сердце глухой чащи. Он не заблудился — тропу назад к монастырю Хальврик помнил хорошо, но идти дальше вперёд оказалось невозможно. Лес впереди сжимался стеной: густые заросли орешника, переплетённые колючим кустарником, закрывали каждый просвет, а поваленные деревья, укрытые мокрым мхом, лежали наперекрест, будто специально загородив путь.

Можно было, конечно, попытаться обойти это место, но тот маршрут занимал бы куда больше времени, и реальной нужды в нём не было. Пробираться напрямик, ломаясь через чащу, тоже было бессмысленно — одежду бы порвал, весь исцарапался, а добрался бы лишь к ещё более плотным дебрям. Да и что там, за этой стеной ветвей? Ещё немного того же леса — с этим он ещё успеет познакомиться в долгих прогулках.

Хальврик подумал, что, пожалуй, пора возвращаться: если задержаться ещё чуть-чуть, вечер может настигнуть его в пути. К тому же в монастыре, наверняка, все уже начали волноваться, а особенно — Флавиан, Верховный Жрец, всегда строгий, но и заботливый.

Тем не менее, Хальврик не торопился уходить. Он задержался, позволяя себе ещё некоторое время наслаждаться тишиной и красотой леса.

Вдруг взгляд Хальврика зацепился за что-то тёмное, притаившееся среди густой травы у корней поваленного дерева. Он наклонился ближе, раздвинул влажные стебли — и с удивлением увидел старинную книгу. Она лежала почти скрытая мхом, словно её аккуратно положили сюда давным-давно и позабыли на многие годы.

Он осторожно поднял находку. Книга была необыкновенно ветха: переплёт выцвел и потрескался, кожа на корешке от слежалости покрылась сетью тонких сухих трещинок, в некоторых местах вовсе облезла, обнажив нитяной переплёт и твёрдый картон. Края обложки были изъедены временем и сыростью, страницы покоробились, потемнели, кое-где выглядывала плесень. Между листьями осыпалась сухая труха, а корешок едва держался на остатках нити, скрепляющей всю книгу.

Название на обложке почти стёрлось — некоторые буквы исчезли вовсе, другие выцвели и превратились в едва заметные тени. Хальврик долго всматривался, водя пальцем по углублениям древнего тиснения, пока не смог различить: «...Времён. ... древних манускриптов. Собрано... Братством Орд... ства... Трет...дание. 159... -й год.» Каждое слово отдавалось лёгким трепетом — ведь он держал в руках настоящую реликвию, забытый памятник иной эпохи.

Представив, что бы это могло быть, Хальврик бережно приоткрыл потрескавшуюся обложку. Со скрипом и лёгким хрустом слежавшейся бумаги раскрылись пожелтевшие страницы, исписанные выцветшими чернилами. Это была летопись — список древних и редких книг. Пролистав несколько листов дрожащими пальцами, юноша увидел знакомые названия — отдельные фолианты и трактаты, что стояли в монастырской библиотеке.

К каждому названию прилагалось краткое описание, сведения о создателе и месте хранения.

У Хальврика сильнее забилося сердце. Он вспомнил, как Жрец каждый вечер склоняется над похожими трактатами при свечах. И вот теперь, среди забытого леса, в его руках оказалась летопись всех этих сокровищ — будто мост между далекими временами и его сегодняшним путешествием.

И тут, когда он перелистывал одну из страниц, из книги вдруг выпало нечто тонкое и жёлтое, плавно приземлившись в траву. Хальврик осторожно поднял находку — это оказался небольшой, давно потемневший кусочек пергамента, смахивающий на закладку. Материал был полупрозрачным от старости, края расслаивались и крошились под пальцами, а смутные символы и рисунки на поверхности едва сохранялись.

Разглядеть детали было трудно: большинство линий давно стерлись, некоторые места вовсе выпцвели и осыпались, но несколько знаков всё же уцелели. Самым заметным было простое, но странное очертание — напоминающее быка или корову, дополненное мелкими завитками, словно рогами. Рядом угадывался длинный, змеиный силуэт, который мог принадлежать дракону — или, возможно, просто был фантазией древнего мастера. На одном конце пергамента темнел смутный знак, похожий на языки пламени, а чуть ниже виднелся символ, напоминающий волну воды. Остальное же было либо ни на что не похоже, либо размытые, неразличимые фрагменты.

Хальврик задумчиво попытался вспомнить, где мог встречать подобные изображения, — смутные тени знаний ворочались в уголках памяти, цеплялись за старые монастырские рассказы, за пыльные лекции Верховного Жреца, за картины на стенах в дальнем крыле библиотеки. Но ни одна из них не становилась ясной, не складывалась в осмысленный образ. Пергамент оставался загадкой — ещё одной ниточкой к давно ушедшим временам, которую суждено было распутать когда-нибудь позже.

Вдруг во влажной тишине леса раздался тихий, но отчётливый шорох. Хальврик резко выпрямился и вскинул голову. Из зарослей, там, где лес казался совершенно непроходимым, вышел молодой монах — фигура в знакомом, пусть и чуть более тёмном, красном балахоне. Оттенок его одеяния явно указывал на более высокий, чем у Хальврика, монашеский сан.

Но больше всего его удивило не это, а то, каким образом пришелец появился здесь: заросли, из которых тот вышел, были настолько густыми и переплетёнными, что пройти сквозь них казалось невозможным ни для человека, ни для зверя. Оказаться позади он тоже не мог: тропинка была слишком узкой, чтоб идти по следам и обойдя Хальврика незаметно, предстать перед ним.

Охваченный удивлением и каким-то необъяснимым волнением, Хальврик невольно опустился на землю, всё ещё держа в руках древнюю книгу. Монах тем временем остановился в нескольких шагах, смотрел на Хальврика спокойно, даже дружелюбно, чуть склоняя голову на бок. Его губы тронула едва заметная улыбка — тёплая и искренняя, без тени угрозы или недоброжелательства.

В воздухе на мгновение повисла тишина. Лес вокруг будто затаился, наблюдая за неожиданной встречей двух путников — таких похожих, но таких разных. Хальврик ощутил странную смесь смущения, любопытства и недоумения, но всем своим существом ощутил: незнакомец пришёл не с худыми намерениями.

Хальврику вдруг показалось, что найденная книга могла принадлежать этому незнакомому монаху. Вероятно, он любил уединяться в лесу с редкими трактатами, и как раз сейчас, ненадолго отлучившись, оставил её в траве, не ожидая, что кто-то ещё окажется в столь глухом месте. Мысль эта была настолько естественной, что Хальврик, не находя слов, просто осторожно протянул книгу подошедшему монаху.

Тот стоял чуть поодаль, молча смотрел на Хальврика. Потом, будто раздумывая, действительно ли стоит принять книгу обратно, протянул руку и аккуратно взял её из рук Хальврика. Некоторое время они оба молчали — тишина между ними была наполнена весенним шелестом листвы и далекими голосами лесных птиц.

В этот момент Хальврик осознал, что кусочек пергамента, выпавший из книги, всё ещё у него в ладони. Смущённо, опустив глаза, он протянул и его незнакомцу. Монах бережно взял пергамент, вложил его на место между потрёпанных страниц и осторожно закрыл книгу. Движением, уверенным и удивительно ловким, он спрятал книгу под балахоном — так быстро, что Хальврик и глазом не успел проследить, куда.

Затем монах неожиданно протянул Хальврику руку. После некоторого замешательства, всё ещё растерянный, Хальврик нерешительно взял её. Монах помог ему подняться. На губах незнакомца заиграла дружелюбная улыбка, и он коротко, немного торжественно произнёс:

— Ильтар.

Хальврик, всё ещё ощущая в груди волнение и лёгкий страх, назвал в ответ своё имя — голос его был хриплым, едва слышимым, но монах только улыбнулся ещё шире, легко и по-доброму.

Оправившись от первого смущения, Хальврик робко задал вопрос:

— Я раньше тебя не видел ни в нашем монастыре, ни в округе. Кто ты, Ильтар? Откуда пришёл?

Ильтар ответил не сразу. Он чуть улыбнулся, словно вопрос был для него привычным, и посмотрел поверх плеча Хальврика на густую зелёную чащу, будто черпал слова где-то в лесной тени.

— Я монах, который давно выбрал уединение в этом лесу. Многие называют таких отшельниками.

Он произнёс эти слова спокойно, но как-то уклончиво. Ни одного намёка на род монастыря, на прежнее место службы или причину своего одиночества. Лицо его оставалось открытым и доброжелательным, но в глазах таилась глубокая тень — как у человека, для которого настоящие ответы слишком личны или значимы для поспешной беседы.

— Здесь легче слушать себя и лес. Ты ведь тоже слышишь, как он говорит? — добавил Ильтар после короткой паузы.

Он перевёл взгляд обратно на Хальврика, и в этом взгляде вдруг появилось внимание — будто он ждал не очередного вопроса, а именно ответа, который раскроет для собеседника нечто важное.

Хальврик опустил глаза, троекратно прокрутив в мыслях ответ Ильтара. Он всё ещё ничего не понимал: кто этот человек, почему он живёт здесь — и как оказался в самом сердце непроходимой чащи. Но с каждым мгновением его тревога уступала место другому чувству — едва уловимому доверию и уважению к загадочному отшельнику.

— Может быть... ты зайдёшь к нам в монастырь? Гостям у нас всегда рады. И... если захочешь — останься хотя бы на время. Думаю, братья будут только рады такому собеседнику, да и учёным книгам у нас найдётся применение.

Он произнёс приглашение немного неуверенно, но душевно, словно предлагая Ильтару укрытие — или, может быть, новую страницу жизни.

Ильтар немного помолчал, чуть склонив голову, будто прислушивался к внутреннему голосу. На его лице мелькнула тёплая улыбка, и взгляд стал чуть мягче.

— Благодарю тебя, Хальврик. Может быть, однажды я приму твоё приглашение, — негромко ответил он. — А пока... пока мне нужно остаться здесь. Лес ещё не всё мне открыл.

В этих словах не было ни отказа, ни отчуждения, лишь ощущение времени, которое знает только этот лес да сам Ильтар.

Хальврик чувствуя внезапную решимость, повторил, на этот раз настойчивее:

— У нас есть всё необходимое, еда, крыша над головой, тепло... Ты многое мог бы рассказать братьям, а я уверен — тебе будет с кем поговорить.

Ильтар улыбнулся чуть грустно, но в его глазах мелькнул интерес. Он внимательно посмотрел на Хальврика:

— А как к этому отнесётся ваш Верховный Жрец? Не будет ли он против, если к вам вдруг нагрянет... монах-отшельник, появившийся из чащи?

В голосе Ильтара скользила не то ирония, не то опаска.

Хальврик горячо замотал головой:

— Нет-нет! Флавиан — очень разумный и добрый человек. Он всегда рад гостям, особенно тем, кто стремится к знаниям и покою. Верховный Жрец всегда повторяет, что любой странник, ищущий истину, — желанный в нашем доме. К тому же, он любит общаться с людьми, у которых необычный опыт. Поверь, вы с ним быстро найдёте общий язык!

Ильтар с интересом посмотрел на Хальврика:

— Твоя уверенность мне нравится.

Хальврик почувствовал, что ему удалось донести свою искренность.

— А где ваш монастырь, далеко отсюда? — наконец спросил Ильтар, кивая в сторону тропы.

— Нет, совсем недалеко. По этой же тропинке, а затем через овражек... я могу провести тебя, — с жаром ответил Хальврик.

— А места для уединённой молитвы в монастыре хватает? — с явным интересом спросил Ильтар.

— Да! Есть сад, есть рощицы. И никто не помешает, если захочешь просто помолчать или подумать, — радостно подтвердил Хальврик.

Ильтар задумался. По лицу его скользнула тень сомнения, затем перелилась в улыбку. Он чуть склонил голову, будто окончательно сделал свой внутренний выбор.

— Хорошо, Хальврик, — негромко произнёс Ильтар, — я пойду с тобой в ваш монастырь. Давно я не был среди братьев. Пусть это станет и для меня новым испытанием... или открытием.

В голосе его звучала благодарность, а во взгляде — тихая решимость довериться предложенному пути.

Знакомство

Тропинка вела между высоких, всё гуще смыкающихся елей и берёз, где под ногами мягко пружинил мох, а в прелых подстилках травы изредка выглядывали фиолетовые цветки.

Скоро густая чаща стала редеть; ветви уже не цеплялись за длинные полы их балахонов, а в просветах между стволами начинал золотиться вечерний свет — не резкий, а прозрачный, скользящий по стволам, на которых местами ещё висела рваная старая кора. Лес молчал. На некоторое время даже птицы, казалось, перестали чирикать, и только где-то высоко в кронах едва слышно крикали дрозды.

Хальврик время от времени поднимал взгляд и заботливо указывал дорогу, помогая Ильтару обходить особенно вязкие, заболоченные участки и скрытые в траве корни. Дорога вела по легкому склону вниз, где тёмная и прохладная земля сменялась светлой, покрытой прошлогодними листьями. Вскоре на обочинах показались знакомые кусты шиповника, низкие, ещё не распустившиеся ива и редкие, пронзительно яркие пятна весенней калужницы у ручья.

Они шли, любуясь на разросшиеся кочки осоки, на серебристые тени, что плавно бежали сквозь молодую поросль. Иногда Хальврик рассказывал о забавных случаях в монастырских садах или делился воспоминаниями о детстве, когда бродил по этим же тропам в одиночестве.

В какой-то момент тропинка вышла к невысокому обрывчику, отсюда открывался вид на долинку внизу, залитую вечеряющим солнечным светом. Вдалеке уже виднелась тёмная линия монастырского огорода, но сами стены и строения были всё ещё скрыты зелёными волнами деревьев.

Спускаясь вниз, они шагали всё увереннее. Стало теплей, ветер уже не имел той лесной остроты, а воздух наполнился шелестом травы, звонкими голосами вечерних птиц и еле уловимым ароматом свежей земли. Где-то далеко забренчал колокольчик пасущейся коровы, а тень от большой старой вербы пересекла просеку, по которой шли двое путников.

С каждым шагом лес становился светлее, а тропа всё ровнее и шире, и Хальврик чувствовал — неведомое отошло назад, место уступая домашнему, знакомому миру.

По пути, когда тропинка уже заметно расширилась, Ильтар вдруг замедлил шаг. На краю небольшой поляны, у подножия старого ясеня, возвышался круг из серых камней — правильный, даже несмотря на очевидную древность. В самом центре круга лежал массивный плоский камень, по виду похожий на алтарь. Его поверхность была испещрена старыми, почти стёртыми символами — там и здесь виднелись изломанные линии, круги и какие-то причудливые знаки, затёртые временем и ветром.

Ильтар остановился, его взгляд задержался на алтаре дольше, чем просто из-за любопытства, а на лице появилась сдержанная сосредоточенность.

— Что это за место? — негромко, но с заметным интересом спросил он, оглядывая круг.

Хальврик улыбнулся чуть смущённо:

— Эти камни стоят тут столько, сколько помнит монастырь, да, наверное, ещё дольше. Говорят, что здесь когда-то проводились древние обряды. Никто толком не знает, какие именно, всё покрыто тайной. Иногда наш Верховный Жрец приходит сюда в одиночестве, садится возле алтаря... Надеется услышать, может быть, ответ на какой-то свой важный вопрос. Но пока что камни молчат.

Хальврик провёл пальцем по выщербленной поверхности ближайшего камня:

— Говорят, если долго прислушиваться, можно уловить тихий звон подземных вод... или шёпот прошлого. Но мы не знаем, для чего был этот круг и кто оставил свои знаки.

Ильтар присел, внимательно разглядывая изображения на алтаре. Он провёл рукой по некоторым символам, словно пытаясь вспомнить что-то или сопоставить с уже виденным.

Некоторое время он молчал, а потом поднялся и посмотрел на юношу с новой, глубокой задумчивостью. Они двинулись дальше, и каменный круг остался позади — всё так же безмолвно охраняя свои загадки.

Наконец тропа, петляя между древних деревьев и кустарников, вывела путников к окраине монастырской земли. Здесь, на небольшой возвышенности, среди лугов и молодых рощиц, перед ними открылся вид на монастырь.

Обитель была обнесена внушительным деревянным забором, сложенным из крепких, слегка потемневших от дождя и времени бревен, врытых глубоко в землю. Забор тянулся ровной изгородью на несколько сотен шагов по периметру, укрывая покой монашеского двора и сада от внешнего мира. Местами между бревнами виднелись щели, сквозь которые пробивался свет или было слышно потрескивание дров во дворе.

Ворота были массивные, двустворчатые, с хорошо заметными железными петлями и простым набалдашником — такие могли бы выдержать и непогоду, и напор врага. На вершине забора местами еще сохранялась старая резьба: древние, стилизованные изображения цветов, птиц, да молитвенные узоры, стертые временем.

Хальврик подошёл к массивным монастырским воротам и, легко постучав по дубовой створке, расслышал привычный отклик дежурного брата за забором. Через мгновение заскрипели тяжёлые железные петли, створки отворились, впуская весенний свет и свежий ветер, и Хальврик пригласительно кивнул Ильтару. Они вместе шагнули за ограду, переступив границу монастырского уединения.

Первое, что бросилось Ильтару в глаза, была огромная статуя, возвышающаяся прямо перед центральной аллеей. Статуя изображала монаха в длинном, развевающемся балахоне. Его руки были сложены на груди в жесте покоя и молитвы; лицо — почти аскетичное, с тонкими, чёткими чертами, но с лёгкой, едва уловимой улыбкой, на которой читалось неравнодушие и внутренняя сила. Скульптор вырезал статую из светлого камня, который на солнце казался почти сияющим.

У подножия пьедестала струился небольшой фонтан: вода мягко стекала по камню, отражая солнечные блики и создавая тихий, умиротворяющий звон. На самих складках одеяния монаха были вырезаны едва заметные древние символы, причудливо переплетённые в узоры.

Вокруг статуи стояли невысокие сиреневые кусты и аккуратно подстриженные травяные бордюры, а поток воды, падающий в прозрачную чашу фонтана, наполнял двор мягким звучанием, приглашая путника к спокойствию, размышлению и молитве.

Хальврик заметил взгляд Ильтара, полный неподдельного интереса и почти благоговейного удивления. Он наклонился к нему ближе и с гордостью, едва слышно произнёс:

— Провидец Ордена Третьего Ока.

Ильтар поднял брови, присматриваясь к строгому лицу статуи:

— Провидец? А кто он был? О нём у вас сохранились предания?

Хальврик покачал головой, чуть улыбаясь и одновременно вздыхая:

— К сожалению, очень мало что осталось. В нашей библиотеке есть о нём несколько старых свитков и неясных упоминаний, но все они обрывочны... Известно только, что наш орден, который теперь называется Орденом Небесной Коровы, уходит корнями туда, к Ордену Третьего Ока. Тот орден существовал, как говорят, миллионы лет назад. Эти монахи были первыми провидцами на земле, считают, что они жили ещё в начале времён.

Затаившись, Хальврик чуть понизил голос, добавляя ещё больше загадочности:

— Говорят, эти монахи многое предсказали: судьбы народов, перемены эпох, даже появление и уход последнего воина... Мы до сих пор пытаемся разгадать их символы и знаки. Кто знает, может, именно он открыл для нас ту дорогу, по которой мы идём сегодня?

В его голосе звучали одновременно искреннее восхищение и уважительная печаль перед тайной, которую веками оберегал каменный провидец.

— Последнего воина? — с удивлением переспросил Ильтар, задержав взгляд на лице статуи. — Что ты имеешь в виду?

У Хальврика в глазах на миг мелькнула растерянность, словно он только сейчас понял, что наговорил лишнего. Он замялся, покраснел и поспешил сменить тему на более простую, будничную.

— Ну, это... просто одна из легенд, ты знаешь, у орденов свои старые сказания, — пробормотал он слегка улыбаясь. — Пойдём, я тебе кое-что покажу.

Он жестом пригласил пройти чуть дальше и с явной благодарностью в голосе указал на стройную арку фонтана с прозрачной водой:

— Вот этот фонтан построили ещё сто лет назад. Его каждый сезон чистят, раньше воду брали прямо отсюда, да и сейчас братья любят посидеть рядом — очень уж здесь прохладно летом и приятно слушать журчание.

Затем Хальврик повернул к аллее, ведущей вдоль аккуратных клумб:

— А вот там, за кустами — наш небольшой сад. Вишня, немного яблоней... По весне все здесь цветёт, и запах стоит такой, что хочется молиться прямо под деревьями. Иногда здесь устраивают трапезы на свежем воздухе.

Он указал дальше:

— А вон за тем забором, видишь старое низкое строение? Когда-то это была наша конюшня. Сейчас лошадей у нас нет, лишь тележка да садовые инструменты. Помещение теперь заброшено, но мы храним там дрова на зиму.

Пока Хальврик с вдохновением рассказывал Ильтару о каждом уголке монастыря, из-за одного из белых арочных входов, ведущих во внутренний двор, появился Верховный Жрец. Его фигура была величественна, движения неспешны и основательны. Седые волосы были собраны в строгий пучок, а лицо сохраняло спокойную серьёзность, оттенённую приветливой внимательностью.

Увидев приближающихся гостей, Верховный Жрец остановился, сложив руки на груди, будто заранее готовясь к беседе.

Хальврик, заметив его, приосанился и чуть взволнованно позвал:

— Верховный Жрец Флавиан! — Затем с почтительным поклоном добавил: — Позвольте представить вам нашего гостя. Это брат Ильтар — монах, встретившийся мне в лесу. Он, как я понял, отшельник и много лет провёл в уединении среди чащи. Сегодня он пришёл к нам впервые.

Флавиан внимательно взглянул на Ильтара, чуть склонил голову в приветствии и произнёс с достоинством и простотой:

— Рад видеть любого искателя истины под сенью наших сводов. Приветствую тебя в нашем доме, брат Ильтар. Надеюсь, ты ощутишь тут покой.

Он произнёс это просто, без амбиций и доминирующей важности, но с тем спокойным уважением, которое исходит от истинно мудрого человека. Взгляд его оставался открытым и чуть испытующим, в ожидании ответа гостя.

Ильтар с достоинством и спокойствием ответил на приветствие Верховного Жреца, чуть склонив голову и сложив руки на груди:

— Благодарю вас за радушие, брат Флавиан. Для меня честь быть здесь, среди людей, хранящих традиции и свет знаний.

Верховный Жрец, на миг одобряюще улыбнувшись, жестом пригласил Ильтара и Хальврика проходить через арку во внутренний двор:

— Тогда позвольте предложить вам трапезу вместе с братьями. Вечерняя молитва уже скоро, а ужин — лучшее время для знакомства, беседы... и, быть может, для начала новой дружбы..

Он повернулся к Хальврику, чтобы тот проводил гостя, и ещё раз с добротой обратился к Ильтару:

— В нашем доме путешественник всегда найдёт место за столом и тепло очага. Пойдёмте, расскажете нам о себе, брат.

Ильтар молча, с благодарностью кивнул и с лёгкой улыбкой последовал за Верховным Жрецом и Хальвриком.

Они прошли по главной галерее под резным навесом и вскоре очутились у массивной двери, ведущей в столовую. Помещение было просторным, но выдержанным в строгом, монашеском духе. По обеим сторонам стояли длинные дубовые столы и лавки, стены украшали скромные глиняные лампы и несколько древних фресок с изображениями сцен из жизни ордена. Самое главное — атмосферу уюта создавал ровный, мягкий свет, исходящий от лампад, и запах свежего хлеба.

Флавиан отвёл гостей к главному столу и с дружелюбной торжественностью пригласил Ильтара сесть рядом:

— Уважаемый гость, для тебя — самое почётное место. Пусть наша трапеза станет добрым вступлением.

Монахи, тихо и слаженно, внесли блюда: глиняные миски с ячменной кашей, тарелки с румяным хлебом, крынки травяного настоя.

Через несколько мгновений к столу начали подходить и они — семеро братьев, все они были разного возраста, но всех объединяла нехитрая сдержанная доброжелательность во взгляде. Они приветствовали Ильтара поклонами и тёплыми словами, занимали свои места. На мгновение повисла торжественная тишина — предвкушение молитвы — и монастырский дом наполнился новым, началом, ощущением единения и спокойствия.

Устраиваясь за столом и удобно расправляя полы своего тяжёлого тёмно-красного балахона, Ильтар невзначай приоткрыл его так, что все увидели висевший у него на груди амулет. Небольшой деревянный оберег, потемневший от времени, был украшен сложной резьбой: три пересекающихся круга, тонко переплетённые друг с другом, соединялись изящными линиями. Символы казались простыми, но в то же время таили в себе нечто глубокое и загадочное.

Ильтар сразу ощутил, как почти все взгляды за столом задержались на его амулете. Хальврик, сидевший рядом, уставился на украшение с явным интересом. Остальные шесть монахов тоже не скрывали любопытства: кто-то наклонился ближе, кто-то переглянулся с соседями — было очевидно, что амулет вызвал у братьев нешуточный интерес.

Верховный Жрец Флавиан, заметив амулет, чуть отпрянул и замер — на его лице отразилось настоящее, глубокое удивление, словно он вдруг узнал или вспомнил нечто важное из прежних дней. Его обычно невозмутимый взгляд стал напряжённым и внимательным.

А вот один из монахов, чуть старше Хальврика и статью посерьёзнее, который некоторое время назад представился как Юстальд, посмотрел на амулет с явным подозрением. Его брови сдвинулись, взгляд стал жёстким, в лице промелькнуло мгновенное недоверие. Он на мгновение задержал ложку над тарелкой, не сводя взгляда с груди гостя.

Ильтар, заметив эту реакцию, не стал делать вид, что ничего не произошло — его лицо оставалось спокойным, даже приветливым, но в чуть заметной улыбке на губах читалась скрытая настороженность и готовность, если понадобится, объясниться.

После того как ужин подошёл к концу, монахи начали расходиться по своим кельям. Атмосфера за трапезой была спокойной — никто не обратился к Ильтару с вопросами ни о его амулете, ни о прошлом, и всё завершилось привычной скромной молитвой.

Затем Верховный Жрец обратился к Юстальду:

— Юстальд, подскажи, где бы нашему гостю устроиться на ночлег? Есть ли свободная келья?

Юстальд, чуть прищурившись и едва заметно пожав плечами, ответил с лёгкой неохотой:

— Свободных келий сейчас нет... Можно, конечно, разместить брата Ильтара в старой подсобке возле западной стены, где раньше держали инструменты. Там всегда прохладно и...

Он не успел договорить — Верховный Жрец осторожно, но твёрдо перебил его:

— Пожалуй, не стоит беспокоить гостя таким размещением.

В голосе Флавиана прозвучала сдержанная строгость, и, хотя он остался внешне невозмутим, все присутствующие ощутили, что ему не понравилось предложение Юстальда.

Хальврик быстро пришёл на помощь:

— Позвольте, Верховный Жрец, я буду только рад, если Ильтар останется в моей келье. У меня есть широкая кровать — она вмещает двоих, а если что, я могу постелить себе на полу. Это будет честью для меня — приютить такого гостя.

Ильтар попытался было скромно возразить, протестуя против такого гостеприимства:

— Нет, брат Хальврик, я не хочу доставлять неудобства...

Но Хальврик с тёплой улыбкой уверенно развёл руками:

— Пустяки! Для меня это радость — я и сам когда-то был странником и знаю, как важен первый добрый приём в новом месте.

Видя его искренность и напор, Ильтар с благодарностью кивнул, смирившись и принимая заботу нового товарища. Так вопрос о ночлеге был решён быстро и мирно.

Тайна Амулета

Когда монастырь погрузился в вечернюю тишину, Хальврик и Ильтар пошли по узкому каменному коридору в тихую часть обители, где располагались жилые кельи. За скромной деревянной дверью скрывалась келья Хальврика: небольшая комната с утопанным полом, двумя простыми деревянными скамьями, залатанным половичком и полкой, на которой стояли несколько потрёпанных книг. В углу стояла аккуратно заправленная кровать.

— Вот и мой скромный дом, — шепнул Хальврик, улыбаясь.

Он без лишних церемоний сложил своё одеяло и подушку аккуратно стопкой на полу возле стены, бросил вниз небольшой тюфяк.

— Не спорь, брат, — заметил он Ильтару, — мне и так хорошо, честное слово. Кровать для гостя — это у нас давняя традиция.

Ильтар смотрел, как Хальврик хлопочет, и не мог не улыбнуться теплоте этого простого гостеприимства. Осторожно положив свою сумку у изголовья кровати, он сел на край, провёл рукой по грубому покрывалу.

— Спасибо тебе, Хальврик, — мягко сказал он, понизив голос, словно не желая нарушать монастырского покоя.

Хальврик в последний раз оглядел комнату, убедился, что всё устроено для ночлега, и задул свечу, оставив лишь легкий свет из коридора. В комнате повисла тихая умиротворённость.

В тишине кельи они долго молчали, каждый погружённый в собственные мысли. Затем Хальврик негромко спросил:

— Ильтар, ты не спишь?

— Нет, — отозвался Ильтар. Его голос звучал спокойно в полумраке.

Хальврик помялся на своём импровизированном ложе и, собравшись с духом, спросил:

— Скажи... а что за амулет у тебя на груди? Ты заметил, как братья на него смотрели?

Ильтар тихо улыбнулся:

— Да, я это заметил. Даже удивился, что никто ничего не стал спрашивать.

— Видишь ли, — пояснил Хальврик, приглушая голос ещё больше, — наш Верховный Жрец, Флавиан, не спросил об этом только потому, что не хотел поднимать такой вопрос при всех. Это не принято. А другие и не осмелятся спрашивать, для них это недопустимо. У нас правило: любопытство не должно быть выше уважения к гостю.

Он сделал короткую паузу и добавил:

— Но ты не сомневайся, рано или поздно Верховный Жрец обязательно захочет узнать, в чём секрет твоего амулета. Только сделает он это наедине.

— Знаешь, твой амулет очень похож на тот, что я видел в одной из старых книг Верховного Жреца, — задумчиво произнёс Хальврик. — Только в том амулете изображены четыре пересекающихся круга, а в самом центре — маленький пятый. У тебя же — только три круга.

Ильтар внимательно посмотрел на свой амулет, коснулся его пальцами и ответил с тихой уверенностью:

— Этот амулет Единства. В нём несколько смыслов, но один из главных — это три основные составляющие человека. Мысль — способность понимать и осознавать, чувство — умение сопереживать и любить, и воля — тот внутренний стержень, что заставляет идти вперёд, принимать решения и совершать поступки.

Он немного помолчал, словно взвешивая свой рассказ и добавил:

— Когда эти три начала находятся в гармонии, человек по-настоящему целен, способен к истинному Единству — с собой, с миром и с тем, что находится за его пределами.

Ильтар задумался на миг, затем продолжил, чуть опустив взгляд:

— Второй смысл связан не только с человеком, но и с самим миром. Эти три круга — это единство прошлого, настоящего и будущего. Всё, что было, что есть и что будет, неизбежно переплетается и формирует саму ткань жизни. Только принимая своё прошлое, осознавая настоящее и устремляясь к будущему, можно идти истинным путём и быть в согласии с потоком времени.

Он вновь провёл пальцем по старой резьбе:

— Считается, что человек, способный соединить в себе эти три времени, не потеряется, кем бы он ни был и куда бы ни шёл.

— А третий смысл, наверное, самый сокровенный. Это символ трёх великих связей, которые определяют путь каждого: связь с собой, связь с другими и связь с Высшим. Связь с собой — это внутренняя честность и умение слышать свой истинный голос. Связь с другими — это способность сострадать, быть в единстве и взаимопомощи с теми, кто рядом. А связь с Высшим — это поиск смысла, служение идеалу, вера, что за всем видимым миром есть что-то большее.

Он медленно провёл пальцем по контурам амулета и произнёс:

— Когда человек хранит все три связи и не рвёт ни одной, он становится опорой для всего, что любит и во что верит. Таков третий смысл Единства.

— А что символизирует тот амулет, в книге? — негромко спросил Ильтар, внимательно глядя на Хальврика.

Тот развёл руками и с легкой неловкой улыбкой ответил:

— По правде сказать, я сам толком не знаю. Верховный Жрец никогда не рассказывал о значении этого символа. Говорят, что такие вещи у него на особом счету, даже нам многое остаётся неизвестным.

— А можно ли завтра взглянуть на эти книги? — осторожно поинтересовался Ильтар.

Хальврик качнул головой:

— Боюсь, это почти невозможно. Верховный Жрец и братьям не спешит показывать всё, что собрал в своей библиотеке, а для гостей такие книги и вовсе под замком. Обычно он передаёт свои знания только устно, и рассказывает нам лишь то, что считает нужным... Остальное хранит в секрете.

Он на мгновение задумался, и в его словах прозвучала тень сожаления:

— Иногда мне кажется, что истина у нас всегда лишь на полшага впереди.

Ильтар после короткой паузы спросил:

— А какой амулет носят у вас в Ордене Небесной Коровы? Есть ли свой знак?

Хальврик покачал головой, чуть улыбнувшись:

— Нет, у нас никогда не было амулетов. По крайней мере, я о таком не слышал. У нашего Ордена другие традиции — мы больше храним обычаи и обеты. Символы встречаются — на фресках, в песнопениях, в росписях рукописей, но чтобы кто-то носил специальный амулет, — такого у нас не принято.

— А почему ваш Орден так странно называется? — с лёгкой улыбкой спросил Ильтар. — Прости, Хальврик, но ведь «Орден Небесной Коровы» звучит... необычно.

Хальврик тоже улыбнулся, но на лице у него мелькнула тень серьёзности.

— Всё довольно просто, — сказал он. — По старым преданиям, мир был создан с помощью божественной энергии Гармонии, что связывает всё живое. В древности считалось, что эта энергия приходит к нам из глубин звездного неба, из далёкого и загадочного созвездия, которое мы зовём Коровой.

Он повернулся и посмотрел на крохотное окошко кельи. За ним в бархатной темноте мерцали далекие звёзды.

— Вот оно, видишь? — тихо добавил Хальврик. — Еле заметно, но всё равно всегда там. Для нас это символ много столетий. Мы верим, что эти далекие светила охраняют мир и приносят гармонию тем, кто стремится к ней.

Ильтар взглянул туда же и кивнул. Разумеется, он знал это созвездие — как и любой, кто жил в этом мире.

Хальврик на мгновение задумался, а потом медленно заговорил, глядя на звёздное небо за окном:

— Наши братья издавна смотрят на звёзды. Для нас созвездия — не просто украшение ночи, а часть великой книги мироздания. Мы верим, что по звёздам можно читать знаки Гармонии, которой пронизан этот мир. Они словно отражают те законы и связи, что открыты не каждому глазу.

Он чуть улыбнулся и продолжил:

— Годы учёбы посвящены тому, чтобы распознавать в этих огоньках скрытые символы природы, понять, как всё устроено. Через наблюдение за небесными путями мы учимся видеть за привычным видимым — невидимое, и не только в небе, но и в каждой травинке, в каждом дне. Звёзды для нас — источник вдохновения и ключ к многим тайнам, которые мы пытаемся разгадать.

В его голосе звучала тихая гордость и трепет перед величием мироздания.

— Ну а ещё... всё это связано... — Хальврик запнулся и на мгновение задумался. — Связано с Алхимом.

— С Алхимом? — переспросил Ильтар, невольно напрягшись.

— Да, — подтвердил Хальврик и понизил голос, словно рассказывая о чём-то почти запретном. — Это очень древняя история, запутанная и до сих пор не до конца понятная даже нам. Говорят, было это много столетий назад. Алхим был простым пастушком, жил в этих краях, судьба у него была незамысловатая... пока однажды к нему не явилось Зло. Оно попыталось склонить его на свою сторону — обещало силу, знания, власть. Но Алхим сумел этому противостоять. Тогда Зло, не сумев переманить пастушка, захотело его погубить...

Хальврик задумался, затем продолжил:

— И тогда Гармония — в образе доброго божества — спасла Алхима: укрыла его от зла, скрыла в глубине земли, чтобы уберечь, пока в мире не наступит время для новых перемен. Так рассказывают самые старые предания, хотя что было дальше, достоверно никто не знает...

— А корова-то тут при чём? — не удержался Ильтар, склонившись поближе.

Хальврик задумался, чуть покачал головой:

— Честно скажу, никто до конца не знает. Может, дело в тех самых коровах, которых пас Алхим в юности. По одной из версий, одну из его коров загрызли — то ли волки, то ли дикие псы, тут уж не разберёшь. История туманная, многое в ней переплелось...

Он тихо усмехнулся:

— Видишь, Гармония якобы пришла к нам из звёзд, с того самого созвездия, что мы зовём Коровай, а у Алхима были свои, настоящие коровы. Даже не поймёшь, где тут простой случай, а где — знак для посвящённых. В итоге, всё сплелось в преданиях: и звёзды, и пастушок этот, который стал то ли воином, то ли пророком самой Гармонии... Всё это как-то связано, только понять — наверное, до конца уже никто не сможет.

— Кстати, — вдруг вспомнил Хальврик, — Верховный Жрец, когда рассказывал нам однажды про этого Алхима, упоминал и о трёх отрезках времени. Мол, в каждый такой период в мире должен появиться Воин — тот, кто влияет на ход событий, решает судьбу мира.

Он помолчал, вглядываясь в отблески света:

— Говорят, два воина уже были. Остался третий. Именно от него, по пророчеству, зависит, каким будет наш мир.

Хальврик чуть понизил голос и добавил:

— А сам Алхим... Якобы он и был первым из этих воинов. Только вот куда он потом исчез, никто не знает. Может растворился во времени, чтобы когда-нибудь вернуться, если наступит его час... Всё покрыто тайной, но легенда жива до сих пор.

Хальврик помолчал, глядя на амулет Ильтара, потом вдруг осторожно спросил:

— Знаешь, если подумать... твой амулет с тремя кругами, он ведь явно связан с этими тремя отрезками времени, о которых говорил Верховный Жрец. Как будто об этом и говорит его форма.

Ильтар на миг задумался, потом неспешно кивнул:

— Возможно, ты прав. Этот амулет у меня с давних пор, он достался мне по наследству от старых монахов, которые жили задолго до меня. Интересно, что даже они не знали точно, откуда он появился. Помнят только, что получали его из рук в руки, будто бы для какой-то особой цели.

Он провёл пальцем по пересекающимся кругам и с лёгкой грустью добавил:

— Когда-то они передали мне его и сказали только одно: этот амулет очень важен, и наступит день, когда он раскроет многие тайны. Но когда и почему — никто не знал.

— А ты откуда пришёл в наши края? — тихо спросил Хальврик, наклонившись чуть ближе к Ильтару. — Где находится твой монастырь?

Но прежде чем Ильтар успел ответить, снаружи, в ночной тишине, раздался такой жуткий вой, что Ильтар и Хальврик вздрогнули и обменялись тревожными взглядами — мир за стенами кельи в один миг показался куда опаснее, чем ещё мгновение назад.

Истина где-то рядом

Начались тихие, размеренные монастырские будни. День за днём шёл своим чередом: каждое утро начиналось с колокольного звона и общей молитвы в маленькой, но светлой часовне. Потом была простая трапеза — горячая каша, хлеб да травяной настой. После завтрака каждый брат занимался своим делом: кто трудился в саду или огороде, кто рубил дрова, кто чинил забор или помогал на кухне.

Ильтар постепенно влился в ритм монашеской жизни. Ему поручили несложную работу: помогать Хальврику ухаживать за старым садом, подметать дорожки и собирать целебные травы. В тёплые, пахнущие росой и листвой дни, Ильтар чувствовал лёгкое удивление — насколько просто протекает жизнь.

В глубине души Ильтар всё ждал: вот-вот Верховный Жрец вызовет его для разговора — о прошлом, о странствиях или, конечно же, об амулете, который мгновенно привлёк внимание братьев. Но Флавиан не спешил. Только иногда внимательно задерживал взгляд на Ильтаре, как будто выжидая или наблюдая, но ни единого прямого вопроса не задал.

Пока загадочный разговор не состоялся, Ильтар всё больше сближался с Хальвриком. После работы, когда дневная суета стихала, два брата приносили с кухни кружки настоя и присаживались на скамейку в монастырском саду. С этого места вид открывался прямо на каменную статую Провидца Ордена Третьего Ока. Он стоял в центре двора — строгий, сосредоточенный, и его взгляд будто пробирался сквозь столетия.

Чаще всего они разговаривали о Гармонии — том особом принципе, что будто бы пронизывает мир, связывает звёзды, поля и судьбы живых. Вспоминали древние притчи и тайны минувших времён, обменивались монастырскими преданиями о звёздных знаках, обсуждали созвездия и беседовали о Таинствах Единства.

Иногда разговоры переходили в долгие размышления — каждому хотелось понять, не упущена ли связь между сегодняшним и тем, что когда-то было важно для Провидца.

— А ты сам, Хальврик, веришь, что когда-то этот монах действительно жил здесь? — однажды спросил Ильтар, всматриваясь в строгие черты каменной статуи.

Хальврик не сомневался ни на миг:

— Верю, — тихо подтвердил он. — Не знаю, как и почему, но мне всегда казалось: он был настоящим. Может быть, не таким, как на статуе, не великим чудотворцем, а простым, живым человеком. Но жил — и, наверное, знал что-то такое, чего мы до сих пор не разгадаем.

— А какие послания остались от него? — не отставал Ильтар.

Хальврик чуть пожал плечами:

— Здесь я знаю совсем немного, и всё — скорее по рассказам Верховного Жреца. Он говорил: этот монах когда-то предсказал приход последнего воина. Вроде бы в одной из древних рукописей осталось таинственное пророчество. Никто толком не знает — ни что за воин, ни когда он появится. Верховный Жрец намекает, что это событие близко... но насколько близко, не говорит. Только сам иногда ловишь себя на мысли, что ждёшь чего-то необычного, чего-то большого...

Хальврик замолчал и посмотрел на светлый облик Провидца, будто вглядываясь в далёкое и невидимое.

Ильтару вдруг подумалось — а что если взглянуть на статую Провидца поближе? Он повернулся к Хальврику и негромко спросил:

— Можно подойти? Я бы хотел рассмотреть его внимательнее.

Хальврик одобрительно кивнул:

— Конечно, Ильтар. Пойдём.

Они встали и неспешно подошли к статуе, проходя по усыпанной гравием дорожке между сиреневыми кустами. Вблизи статуя казалась ещё величественнее: высеченные из светлого камня черты монаха были и строгими, и каким-то образом человеческими. На лице застыла лёгкая, едва заметная улыбка, а взгляд, обращённый чуть выше горизонта, был внимательным и задумчивым.

Руки статуи были сложены на груди — жест примирения и умиротворения, но в сильных, длинных пальцах ощущалась скрытая энергия. Одежда Провидца была покрыта тонкой резьбой, где простые монашеские складки перемежались с узорами: витки, круги, длинные линии, словно обрамляющие движение света по камню.

Ильтар медленно обошёл статую кругом, рассматривая древние символы, вырезанные на полах одеяния, в складках рукавов и у самой подошвы. Там угадывались изображения — какие-то знаки, круги, ломанные линии, иногда едва различимые от дождей и времени, но всё ещё упрямо тянущиеся по камню.

— Смотри, — сказал Ильтар вполголоса, — у подножия вроде есть какие-то слова... Но стерлись почти совсем.

Хальврик присел рядом, присматриваясь:

— Говорят, раньше здесь была надпись. Возможно, часть пророчества. Но теперь её не разобрать... Лишь отдельные символы... И льтар, вглядываясь в выцветшие и затёртые символы на каменном одеянии статуи, вдруг тихо спросил:

— А кто её вообще создал, эту статую? Ты знаешь, откуда она взялась?

Хальврик покачал головой:

— Никто уже и не помнит. Этому монастырю больше ста лет, а говорят, что ещё два столетия назад тут стоял другой. Его полностью уничтожил пожар. День тот потом назвали Великим Пожаром. Говорят, пламя тогда бушевало так сильно, что остановить его уже никто не мог, и только сильный дождь, хлынувший внезапно, смог потушить огонь. Но что именно тогда случилось — неизвестно. Всё, что осталось — лишь отрывочные предания. Кто потом снова отстроил эту обитель, кто возвёл эту скульптуру — никто не знает. Ни имён, ни даже записей не сохранилось.

Ильтар усмехнулся, оглядывая древний камень:

— Тебе не кажется, Хальврик, что слишком уж много у вас тайн да пробелов? Может, от вас нарочно что-то скрывают?

Хальврик пожал плечами и ответил спокойно, без тени сомнения:

— Может, и так. Но меня это не слишком заботит. Я доверяю Верховному Жрецу полностью. Мне кажется, если придёт час, он сам всё расскажет... и объяснит, как быть дальше. Пока что — у каждого своё время для истины.

Он улыбнулся и уверенно взглянул на Ильтара:

— Мне этого достаточно. Потому что знаю: то, что важно, всегда откроется вовремя.

Ильтар стал всматриваться внимательней, водя пальцами по каменным складкам и углублениям и неожиданно заметил несколько рун — они отчётливо выделялись среди остальных знаков, словно время щадило лишь их. Внимательно присмотревшись, он произнёс:

— Смотри, Хальврик, вот эти знаки... Они на удивление хорошо сохранились. Знаешь, что это?

Хальврик бросил взгляд и кивнул:

— Их изучали уже много лет. Это особые руны, редкие. Верховный Жрец сам перекопал кучу монастырских книг и архивных записей ради них. Кое-что, кажется, удалось понять, но расшифровка крайне неполная, скорее догадки.

— Так что же удалось перевести? — с интересом спросил Ильтар.

Хальврик развёл руками, задумчиво глядя на выбитые символы:

— Всё очень туманно. Верховный Жрец говорит, что смысл где-то между «обратись к корням» и «ищи знания в прошлом». Но эта расшифровка, скорее всего, далеко от точной. Руны эти, по словам Жреца, были в ходу миллионы лет назад — никто уже не знает их истинного значения. Может, потребуется не одно поколение, чтобы прочесть их правильно... В общем, мы их и перестали толком изучать.

Ильтар задержал взгляд на Хальврике:

— «Мы перестали»? Или так сказал Верховный Жрец?

Глаза Хальврика на миг вспыхнули, он приоткрыл рот, чтобы ответить. Но тут над монастырём раздался призывный звон — время обеда настало. Вопрос остался без ответа, и братьям ничего не оставалось, как отправиться к трапезе.

Во время обеда Флавиан сразу заметил скрытую озабоченность Ильтара.

— Всё ли с тобой в порядке, брат? — негромко спросил Верховный Жрец. — Ты выглядишь задумчивым.

Ильтар был не готов рассказывать о своих наблюдениях, поэтому, стараясь придать голосу лёгкость, улыбнулся:

— Всё хорошо, Флавиан, благодарю за заботу. Просто в какой-то момент понял — живу среди вас уже больше недели, а до сих пор довольно мало узнал о самой жизни монастыря. Каковы ваши занятия, какие труды и изучения ведёте? Простите, если вопрос покажется праздным, но мне действительно интересно.

Он говорил максимально непринуждённо, стараясь, чтобы голос не дрожал и не выдавал напряжения.

Флавиан на миг нахмурился — возможно, его насторожила сама постановка вопроса, или он решил, что пришло время предупредить о границах дозволенного. Ответ его прозвучал чуть жестче, чем обычно:

— Мы изучаем звёзды, брат. По движениям звёзд постигаем законы мироздания. Ведь не случайно всё связано — и прошлое, и будущее, и каждый из нас.

Он выдержал паузу и добавил, чуть смягчившись:

— Иногда звёзды указывают на грядущие события. Мы стараемся быть готовы к любым переменам, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Вот чем живёт наш монастырь: поиском знания и служением своему делу.

— Почтенный Флавиан, могу ли я ознакомиться с вашими монастырскими книгами? Кое-какие древние знания и легенды мне знакомы с прежних времён, возможно, в чём-то оказался бы полезен вашему братству. Не только в быту, но и в служении общей мудрости.

Флавиан посмотрел на Ильтара внимательно, а затем сухо, будто по обязанности, похвалил:

— Хорошее желание, брат. Всегда приятно видеть стремление к знанию.

— Он вдруг как-то неуверенно, слишком быстро кивнул:

— Постараюсь устроить, чтобы ты мог ознакомиться с некоторыми трудами. Как-нибудь подробно поговорим об этом позже.

Но, словно желая поскорее перевести разговор в другую плоскость, Флавиан резко сменил тему:

— Скажи мне, брат Ильтар, а в каких богов ты веришь?

Этот вопрос застал Ильтара врасплох. Он даже чуть побледнел и удивлённо переспросил:

— В каких же богов я могу верить, если не в Гармонию? — немного растерянно усмехнулся он.

Флавиан, глядя испытующе, уточнил:

— А ты веришь в Гармонию как в одну из богинь, или для тебя это нечто иное? Просто воплощённая сила, энергия, исходящая из Вышних Сфер? Ведь толкования бывают очень разными.

Ильтар задумчиво оглядел братьев и спокойно ответил:

— В том монастыре, где я учился и жил, Гармонию почитали именно как богиню. Матерь всего сущего, она сотворила нашу землю, все миры и звёзды, что составляют сферу — Хрустальная Пыль, как мы её называем. Это источник жизни и порядка для нас.

Он чуть понизил голос и добавил:

— Про другие миры я знаю только из древних рукописей. Нашим людям неизвестно, каковы они, кто их создал, и какие боги над ними властвуют. Мы лишь знаем, что многое сокрыто за пределами звёзд, но для нас — Гармония есть начало и конец всего.

— А как обстоит дело с верой в Безумного Ангела? — неожиданно спросил Флавиан, вглядываясь в лицо Ильтара. — Ведь среди людей ходят предания, что именно он создал этот мир. Будто бы и сейчас обитает на очень далёкой, недостижимой для человека горе — её зовут Плачущей...

Ильтар чуть замешкался, задумчиво покачал головой:

— Люди часто видят истину сквозь призму страхов и легенд, — мягко начал он. — Вера в Безумного Ангела — это один из самых древних мифов, но... знаешь, Флавиан, никто не может представить реальных доказательств его существования. Да и в нашем монастыре старцы всегда учили: там, где слишком много противоречивых слухов — чаще всего скрывается аллегория, а не буквальная истина.

Он добавил, серьёзно и осторожно:

— Многие путают древние символы или принимают за «Безумного Ангела» некую силу, не понимая её сути. Гора Плачущая — великая тайна; сколько бы ни пытались, никто из людей не побывал там, чтобы вернуться с вестью. Так что говорить о нём с уверенностью нельзя — слишком многое в таких рассказах покрыто тьмой. Возможно, человек путает свои чувства и желания с истиной, а возможно... просто не всё раскрыто для нашего понимания.

Флавиан вдруг замер, и, глядя прямо в глаза Ильтару, неожиданно спросил:

— А где находится твой монастырь, и к какому Ордену ты принадлежишь?

Ильтар почувствовал, как этот момент будто заранее где-то ждал его на распутье. Он выдержал короткую паузу — ровно столько, чтобы самому удивиться спокойствию в собственном голосе, — и уверенно произнёс:

— Мой монастырь находится в Перелесье, на востоке Приболотья. А орден называется Орден Единства.

Он удивился внутренне, насколько ловко, правдоподобно прозвучало это объяснение. Усмехнулся про себя: «Вот так — даже не задумавшись, и сам бы поверил.»

Флавиан нахмурился, явно стараясь припоминать.

— Перелесье? Не слышал никогда... Очень далеко, должно быть.

— На Востоке, за рекой, — задумчиво повторил он.

— Да, — кивнул Ильтар, — меня сюда доставил лодочник. Я долго шел, потом пересёк реку, и вот оказался у вашего монастыря.

Флавиан промолчал, колеблясь, будто проверяя — не уловил ли чего лишнего в голосе гостя. Затем, взглядом остановился на амулете:

— И этот амулет у тебя на груди — это знак твоего ордена, Единства?

— Да, — просто ответил Ильтар.

Флавиан был спокоен, но внимателен:

— И почему же ты стал отшельником? Что тебя заставило оставить свой орден, свой дом?

В трапезной опять повисла лёгкая напряжённая тишина — братья словно замерли, прислушиваясь, но не вмешивались в разговор старших.

— Ладно, — сказал наконец Флавиан, — это дело лично каждого. А теперь можете отдыхать после обеда, братья. У меня есть дела.

Ильтар и Хальврик, выйдя из трапезной обратно в сад, сразу потеряли ту насторожённость, что была за столом. Хальврик с удовольствием потянулся, потом рассмеялся и, переглянувшись с Ильтаром, шутливо заметил:

— Вот это ты, конечно, загнул про Безумного Ангела. Не подкопаешься!

Ильтар улыбнулся в ответ:

— А разве я не прав? Или ты хочешь сказать, что у вас тут, в монастыре, братья верят, что мир создан этим Ангелом, а не Гармонией?

Хальврик слегка смутился, почесал затылок:

— Ну... как сказать... Видишь ли, всё сложнее, чем кажется. Формально мы учим про Гармонию, как про начало всего. Но старые братья иной раз тихонько рассказывают свои байки про Ангела, говорят, что, может, и не всё так однозначно, как пишется в книгах. Каждый выбирает для себя сам — нам ведь никто не запрещает сомневаться. Просто вслух о таком мало кто говорит.

Он улыбнулся чуть смущённо, глядя на статую Провидца:

— Я лично думаю, что важно не то, кто создал мир, а как мы с этим миром обходимся. Главное — не предать Гармонию внутри себя. Остальное ведь рано или поздно откроется.

Интересный разговор

И тут Ильтар заметил, что к ним приближается монах. Приглядевшись, он увидел, что это Юстальд.

Он едва заметно тронул Хальврика локтем, и оба оборвали беседу, выжидая. Юстальд подошёл ближе, остановился у скамейки и слегка склонил голову. Хальврик и Ильтар ответили тем же — коротко, по-монастырски.

Хальврик чуть подвинулся, освобождая место рядом, и Ильтар сделал то же самое, предлагая Юстальду присесть. Но тот остался стоять, будто не желая задерживаться.

— Хорошая погода, — произнёс он.

Братья кивнули. Несколько мгновений они молчали — слышно было лишь, как шелестит листва, и где-то в стороне мерно капает вода фонтана. Молчание затянулось, стало чуть неловким.

Наконец Юстальд перевёл взгляд на Ильтара и сказал тихо, почти примирительно:

— Не обращай внимания на Верховного Жреца. На его... чрезмерную настойчивость.

И, будто оправдывая сказанное, он заговорил о возрасте Флавиана, о том, что годы делают человека подозрительнее, что он многое видел, многое пережил и оттого привык проверять людей и слова.

Ильтар слушал спокойно. Потом мягко ответил, стараясь не обидеть ни Юстальда, ни самого Флавиана:

— Я понимаю. И правда, ничего страшного. Вопросы естественны, особенно когда в монастырь приходит незнакомец. Я благодарен за приют и не держу на Верховного Жреца ни тени обиды.

Он сказал это уверенно, но без нажима, как человек, который не оправдывается — просто расставляет всё по местам.

Братья вновь ненадолго замолчали, каждый погружённый в свои мысли. Затем Юстальд, не отрывая взгляда от каменной скульптуры в центре двора, вдруг спросил:

— Я видел, что вы внимательно рассматривали статую. Заинтересовались?

— Да, — тихо подтвердил Ильтар.

Юстальд выслушал его краткие наблюдения, заметки о рунах и символах, а потом, всё ещё не глядя прямо, задумчиво произнёс, словно обращаясь к самому себе:

— Да... Загадочная личность. Мы уже много лет пытаемся что-то понять о нём, но сведений всегда было мало. Никто не знает, когда он жил, даже имени его достоверно не сохранилось. Есть лишь несколько старых рукописей — якобы от него самого, но что там на самом деле написано, до конца не ясно и никем толком не объяснено. Всё покрыто тайной.

Ильтар с интересом наблюдал за Юстальдом — тот всё ещё не сводил взгляда со скульптуры Провидца. В какой-то момент Ильтару вдруг показалось, что на лице молодого монаха мелькнула почти неуловимая усмешка. Усмешка эта была очень странной: то ли испытующей, то ли знающей, а может быть — просто тенью чужой мысли.

Но уже через мгновение выражение Юстальда вновь стало спокойным и обыденным, словно и не было никакой усмешки. Он тихо вздохнул, отвёл взгляд и будто бы полностью вернулся к своему привычному монашескому виду.

Ильтар, осознав, что мог показаться излишне любопытным, поспешил заговорить:

— Ты не подумай ничего дурного, Юстальд. Я интересуюсь этой скульптурой только из чистого желания понять историю монастыря. Никаких других мыслей...

Юстальд вдруг рассмеялся — негромко, но искренне:

— Ну что ты, брат! Даже если бы ты и пытался что-то выведать, всё равно бы не смог. Всё, что мы знаем о нём, уже и так рассказали тебе и каждый день рассказываем друг другу. Тут скрывать-то особо нечего.

Ильтар на мгновение расслабился, а потом неуверенно спросил:

— А можно ли взглянуть на эти древние записи? Может, хоть одну рукопись посмотреть самому...

Юстальд тут же посерьёзней. Его лицо стало сосредоточенным, взгляд потускнел.

— Я и сам бы с радостью взглянул, — признался он чуть тише. — Но Флавиан никого не подпускает к этим рукописям. Говорит — рано ещё. Так что даже мы, монахи, толком не знаем, что там на самом деле. Всё — только по рассказам самого Жреца.

В голосе Юстальда чувствовалось искреннее сожаление и что-то ещё, едва угадываемое — как будто он уже не раз возвращался к этой мысли, но каждый раз упирался в преграду.

— Ладно, — сказал Юстальд, немного улыбнувшись, — не буду вам мешать. Сегодня ночью я заступаю на дежурство, так что пойду немного отдохну.

Он почтительно склонил голову братьям и, шагнув с дорожки, неспешно направился прочь, растворяясь в тени деревьев. Ильтар с Хальвриком проводили его взглядом в тишине.

Первым нарушил молчание Ильтар:

— Слушай, Хальврик, а тебе не показался Юстальд немного странным?

Хальврик пожал плечами, глядя вслед ушедшему монаху:

— Не знаю... Обычный он вроде бы. Может, просто тоже хочет узнать ответы на свои вопросы, как и мы.

Затем он задумчиво уставился на дорожку:

— Тут, наверное, все ищут ответы. Даже сам Флавиан, сколько бы его ни уважали, наверняка тоже многое не знает. Вот и мучается. Я замечал в последнее время — по вечерам надолго закрывается в архиве, всё копается в записях, что-то ищет... А ещё слышал, будто грядёт бедствие какое-то. Будто наш мир пытается поглотить Хаос. Полная противоположность Гармонии. Уже миллионы лет они борются друг с другом, делят наш мир, не могут договориться...

Он вздохнул с тревогой:

— Но зачем всё это Хаосу? Почему обязательно надо разрушать, брать чужое? Почему бы не создать своё? Зачем Хаосу наш мир, Ильтар?

Ильтар чуть улыбнулся, мягко качнув головой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.